

Славяноведение, 2023, № 2, с. 145–148

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 2, pp. 145–148

DOI: 10.31857/S0869544X0025367-6

Рецензия / Review

Беров Х. «Балканските японци». Социално-икономически профили на модернизацията и индустриализацията по примера на Сърбия и България (1878–1912). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2020. 319 с.

Беров Х. Балканские японцы. Социально-экономические профили модернизации и индустриализации на примере Сербии и Болгарии (1878–1912)

© 2023 г. Н.С. Гусев

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская федерация)

kin@gusevns.ru

Ссылка для цитирования: Гусев Н.С. Беров Х. «Балканските японци». Социално-икономически профили на модернизацията и индустриализацията по примера на Сърбия и България (1878–1912). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2020. 319 с. // *Славяноведение*. 2023. № 2. С. 145–148. DOI: 10.31857/S0869544X0025367-6

Berov H. «The Balkan Japanese». Socio-Economic Profiles of Modernization and Industrialization on the Example of Serbia and Bulgaria (1878–1912). Sofia: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», 2020, 319 p.

© 2023. Nikita S. Gusev

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kin@gusevns.ru

Reference for citation: Gusev N.S. Berov H. «The Balkan Japanese». Socio-Economic Profiles of Modernization and Industrialization on the Example of Serbia and Bulgaria (1878–1912). Sofia, 2020, 319 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No 2. P. 145–148. DOI: 10.31857/S0869544X0025367-6

На рубеже XIX–XX вв. на Балканах шел бурный процесс догоняющей модернизации. Особенности этого процесса в «другой» Европе справедливо привлекают внимание исследователей, поскольку дают возможность ответить на принципиально важные вопросы: как трансформируется общество и трансформируется ли оно вообще под воздействием заимствованных политических и экономических институтов?

Впрочем, в первую очередь историки обращают внимание именно на политическую модернизацию, оставляя экономическую в стороне. Автор рецензируемой монографии справедливо отметил, что «экономическим прошлым региона [...] как вариантом возможного понимания процессов чаще всего пренебрегают», и это вкупе с тем, что компаративных исследований о Балканах немного, объясняет причину «искаженных представлений и зачастую поразительного непонимания произошедшего» (с. 11).

Книга доцента кафедры современной балканской истории исторического факультета Софийского университета им. Климента Охридского Христо Берова образно озаглавлена «Балканские японцы». Это словосочетание часто использовали в начале XX в. в качестве положительной характеристики процессов, происходивших в Болгарии и Сербии, для описания успехов этих стран на ниве ускоренной модернизации. Сам же труд посвящен сравнению «новооформившейся в конце девятнадцатого и в начале двадцатого столетий социальной группы промышленников-предпринимателей» в обоих государствах, которая рассматривается как один из агентов модернизации (с. 12). Правда, при этом не понятно, почему автор избегает термина «промышленная буржуазия».

Книга логично разделена на три главы: первая носит теоретический характер и дает широкое представление о сложившихся в науке определениях модернизации, индустриализации и элит; вторая и третья посвящены Сербии и Болгарии соответственно. В соответствии с компаративным подходом у них идентичная структура: имевшаяся к изучаемому периоду основа для создания промышленности; вектор ее развития; рост промышленности без опеки государства и под ней¹; результат этой опеки; «люди, стоящие за числами» — параграф о самих предпринимателях — и подведение итогов.

Исследование опирается на хорошее знание историографии, широкий круг источников.

Привлечены и материалы из фонда Министерства народного хозяйства из Архива Сербии, однако, видимо, в силу большей доступности для автора болгарские архивы представлены шире. В результате эта часть книги ощутимо более детальна и подробна, как это часто бывает при компаративных исследованиях, что, впрочем, не влияет на обоснованность выводов.

Несмотря на различный исторический путь, пройденный к рубежу веков, процессы формирования промышленной буржуазии в Сербии и Болгарии очень похожи. В обеих странах можно выделить две волны промышленников — поколения основателей предприятий и их наследников. Причем они могут хронологически пересекаться, и четким критерием разграничения является участие в создании предприятия. Представители поколения «отцов» обладали грамотностью на базовом уровне, среди «детей» же многие учились за рубежом, специализируясь в торговле или соответствующей отрасли промышленности, вдобавок знали несколько языков (с. 209–211). Однако в положении иностранцев, основывавших предприятия, существовали различия — в Сербии они становились факторами политической и общественной жизни, в Болгарии же их влияние не выходило за границы экономики (с. 222).

Много общего наблюдается и в самой экономике. Государства целенаправленно проводили политику индустриализации, однако в реальности первые шаги на этом пути делали частные лица. В частности, в Болгарии это заметно по статистике. До 1894 г. возникло 130 крупных предприятий, за приблизительно такой же срок в условиях законов о содействии индустриализации в 1895–1909 гг. их было основано 136. Причем, как справедливо отметил Х. Беров, на первые 16 лет существования свободной Болгарии пришлось строительство государственного аппарата, война, свержение князя, политическая изоляция. «Все это указывает на то, что основным стимулом к созданию предприятий вряд ли являлась государственная политика», — заключил он (с. 169). С одной стороны, логика выглядит безупречной, однако, с другой — важно учитывать два фактора, оказавших влияние на начальный этап индустриализации: во-первых, так называемый эффект низкой базы, а во-вторых, то, что предприятия возникали в условиях отсутствия конкуренции, что увеличивало возможные прибыли и фактически вопрос о поиске своей потребительской ниши для них не стоял.

Впрочем, для многих основных контрагентом являлось государство, поскольку рынок сбыта оставался в зачаточном состоянии (с. 225). В некоторых случаях население приходилось приучать к потреблению новых товаров. Так,

¹ В разделе о Сербии эти параграфы метафорически охарактеризованы как развитие промышленности при «государстве-мачехе» и «государстве-матери», в случае же с Болгарией выделены разделы о стране до Соединения 1885 г. и после.

пиво воспринималось как европейский напиток, и продукция пивоварен сбывалась лишь в городах, правда, «европейскость» напитка и формировала на него моду (с. 225). Иначе все было с консервированной едой, к которой население относилось с опаской, и одному из болгарских первопроходцев в этой отрасли приходилось раздавать продукцию родным и близким, организовывать демонстрацию использования консервов (с. 195). И тут мы подходим к основному вопросу догоняющей модернизации.

Автор уже во введении отметил, что сами по себе изменения в экономике не ведут к модернизации общества, они являются лишь частью факторов, определяющих этот процесс (с. 31). В заключении же он подчеркнул, что если для политической истории 34 года — период достаточный для формирования отчетливых тенденций, то для серьезных структурных перемен в экономике он слишком мал (с. 225). Однако здесь хочется возразить автору. Доля промышленности в ВВП Болгарии и Сербии оставалась незначительной, но возникли не просто предприятия, а целые отрасли. А для стран с низким уровнем урбанизации и ограниченными финансовыми возможностями, вдобавок не имевшими своей государственности как в случае с Болгарией или номинального суверенитета как в случае с Сербией, и это немало. Скачкообразная индустриализация происходила лишь ценой значительного напряжения ресурсов, имела высокую социальную стоимость и ее примеры обнаруживаются лишь после описываемого в книге периода. К моменту же до начала Первой мировой войны история знала лишь случаи равномерно и длительного движения к индустриализации. Потому, на мой взгляд, здесь пессимизм автора чрезмерен, можно лишь дискутировать о скорости и масштабах индустриализации в Болгарии и Сербии. Однако более существенным и перспективным остается другой сформулированный Х. Беровым вопрос, касающийся болгарских предпринимателей рубежа XIX—XX вв.: «Почему люди, пустившиеся в промышленные авантюры, не стали примерами для подражания?» (с. 108).

Молодежь и не стремилась в эту сферу. Так, в Болгарии профильное для промышленности образование получили менее четверти из всех тех, кто учился за границей за счет государственных субсидий (с. 216). Вопрос о причинах такого пренебрежения сферой предпринимательства является одним из важнейших для понимания модернизации на Балканах. Болгарский исследователь Х. Мишков считал характерным для болгар и сербов негативное отношение со стороны интеллигенции к занятию бизнесом [1. С. 65]. Возможно, такое отношение ими было

получено вместе с образованием в России, на которую приходилась подавляющая доля учившихся за рубежом болгар и сербов. А здесь ярким примером является отношение российской публики к героям «Вишневого сада». Как писал отечественный культуролог С.А. Экштут, А.П. Чехов «понял, что за богатством приобретателя стоит талант предпринимателя», а потому благоволил Лопухину и назвал пьесу комедией. Однако и тогда, и сейчас симпатии читателей и зрителей на стороне Гаева и Раневской — возвышенных, образованных, но бездеятельных и безынициативных [2. С. 177—180]. Это демонстрирует то, какое отношение к предпринимателю преимущественно бытовало и бытует в России. Однако в Болгарии и Сербии в конце XIX в. не существовало дворянства и слоя людей, привыкших жить за счет труда подневольных крестьян, потому предположение о существовании этой черты интеллигенции кажется весьма зыбким, и поставленный вопрос не имеет удовлетворительного ответа.

Коллективный портрет балканского предпринимателя мог бы многое объяснить в отношении к этой профессии. Повседневность, изменения в образе жизни позволили бы понять: промышленные предприниматели действительно являлись агентами модернизации или оставались теми же чорбаджиями и крестьянами, просто переехавшими в города и создавшими производство. Однако в книге Х. Берова мы этого не увидим. Редкое исключение — Иван Беров из Габрова. Его поведение выбивалось из нормы для современников — он стремился к расширению и техническому усовершенствованию производства, каждый год путешествовал за границей, откуда привозил новшества для своего предприятия. Одним из них стал уникальный для Болгарии комплекс, включавший не только производственные помещения, но и жилье для сотрудников, а также их организованный досуг. Однако в собственном доме он не имел ни водопровода, ни парового отопления (с. 173—174). Характеристики коллег И. Берова остались за рамками данной книги. Впрочем, она и не преследовала данной цели, поскольку находится в поле экономической истории, а не истории повседневности, о чем свидетельствуют опора на нормативную базу, статистику и обширные таблицы, являющиеся характерной чертой научного стиля Х. Берова. Потому отсутствие описания повседневной жизни балканского предпринимателя эпохи догоняющей модернизации нельзя считать претензией. Книга может служить важным источником по истории развития промышленности в Болгарии и Сербии и является значимым дополнением для дискуссий об общем и различном в развитии балканских государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришина Р. П. Лики Модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX веков (бег трусцой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 256 с.
2. Экштут С. А. Закат империи. От порядка к хаосу. М.: Вече, 2012. 304 с.

Информация об авторе:

Гусев Никита Сергеевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-9573-7018
E-mail: kin@gusevns.ru

REFERENCES

- Ekshtut S. A. *Zakat imperii. Ot poriadka k khaosu*. Moscow, Vechе Publ., 2012, 304 p. (In Russ.)
- Grishina R. P. *Liki Modernizatsii v Bolgarii v kontse XIX — nachale XX vekov (beg trustsoi po peresechenoi mestnosti)*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2008, 256 p. (In Russ.)

Information about the author:

Gusev Nikita S.,
Ph D. (History), senior research fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-9573-7018
E-mail: kin@gusevns.ru